

ПАМЯТИ ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНЫ РОМОДАНОВСКОЙ

УДК 821.161.01–311.6

Л. И. Журова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

ВАРИАЦИИ СЮЖЕТА О ВЗЯТИИ ГРАДА СИБИРЬ В ЛЕТОПИСЯХ XVII ВЕКА

Топос взятия городов хорошо известен по целому ряду памятников античной и средневековой литературы. Сюжет о приходе русских казаков в город Сибирь, который был столицей царства Кучума, следует выделить из пространного летописного повествования о завоевании Сибирской страны. В исторической литературе тема покорения Сибири дружиной атамана Ермака покрыла собой сюжет взятия столичного города. Поход казаков – доминанта регионального летописного сюжета, он либо является смысловым ядром эпического текста в летописях XVII в., либо выступает прологом к Сибирскому летописному своду. Фабула повествования о взятии Сибири складывается из последовательно изложенных событий. Насыщенный событийный ряд определяет специфику летописного сюжета. Рамки хроникального повествования раздвинуты выразительными эпизодами, представленными в летописях отдельными главами: о татарине Таузаке, рассказавшем Кучуму о силе русского оружия, о бое казаков с Маметкулом на реке Бабасан, о победе казаков у села Карачи, о битве под горой Чуваши и вхождении русской дружины в опустевший город Сибирь, о гибели Ермака и уходе казаков из города, о занятии города татарскими князьями, а затем бегстве татар из города после пленения Сейдяка Бекбулатовича тобольским воеводой Данилом Чулковым. Трижды оставленный город Сибирь в историческом повествовании воспринимается как символ поэтапного разорения царства Кучума. Образу опустевшего города противопоставлена идея основания московскими воеводами новых городов по всей сибирской земле. Румянцевский летописец, Есиповская летопись в нескольких видах и редакциях XVII в., Погодинский летописец передают события с различными подробностями. Так, по-разному расставлены акценты в рассказе Таузака, напугавшем царя Кучума, об огнедышащих ружьях русских воинов. В Румянцевском летописце приведены детали боевого испытания оружия, которое казаки продемонстрировали пленному татарину. Савва Есипов их опустил согласно своему замыслу о провиденциалистской концепции завоевания Сибири. Например, эпизоды о битвах Ермака с татарскими князьями Карачей и Маметкулом различаются в редакциях Есиповской летописи (Забелинской, Лихачевской, Абрамовской) небольшими вставками, видимо, устного происхождения, которые свидетельствуют о непреходящем интересе к событиям столетней давности. В вариациях сюжета о взятии Сибири видим тенденции к идеализации и поэтизации на протяжении XVII в. исторических героев.

Ключевые слова: город Сибирь, сюжет, фабула, редакция, взятие городов, сибирские летописи, поход Ермака, татарские князья.

Журова Людмила Ивановна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, istochnik_history@mail.ru)

<http://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

ResearcherID: S-5086-2016 (сайт <http://www.researcherid.com>)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетология. 2017. № 1. С. 5–16.

© Л. И. Журова, 2017

Мотив взятия городов известен по целому ряду памятников средневековой литературы: это знаменитое предание о походе князя Олега Вещего на Царьград, «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.», «Сказание о взятии Смоленска», «Казанская история» и др. Рассказ о взятии Казани в 1552 г. Иваном Грозным повлиял на складывание летописного сюжета о покорении Сибири Ермаком в 1581 г. [Ромодановская, 2002, с. 110].

В истории древнерусской литературы сибирские летописи знаменуют собой тот этап, когда на смену летописному способу изложения истории приходит связанное повествование об историческом событии [Лихачев, 1979, с. 257]. Сам этот процесс начался в период становления самодержавия на Руси и расширения Русского государства в XVI в. Типологически сибирские летописи тяготеют к такого рода дискурсу, когда историческое повествование строится на сюжетно ограниченных темах, одной из которых является рассказ о завоевании новых земель. На смену дискретному ряду хроники общерусского летописания, оформленному сеткой погодных записей, приходит линейное, цельное изложение событий, которое устанавливает между ними прагматические связи. В сибирском летописании на смену мозаичности исторических фактов, наблюдаемой в общерусских летописях, приходит тематическое единство событийного ряда, очерченность границ (внешних и внутренних) повествования. Выделенность эпизодов, представленных главами, определяет особенность его композиции.

Сюжет о взятии татарского града Сибирь русскими казаками можно выделить из пространного летописного повествования о завоевании Сибири, основываясь на тематическом принципе. В летописях история колонизации Сибири начинается с описания сибирской земли, прихода дружины Ермака за Камень (Урал) и победе над царем Кучумом. Летописцы рассказывали об исторических событиях в различных вариациях, что привело к появлению ряда памятников региональной литературы XVII в.

Генеалогия сибирского летописания в современной науке представлена разными концепциями. Но всеми исследователями признано, что источником исторического повествования послужило так называемое «Написание» казаков, созданное по просьбе архиепископа Киприана в 1622 г. Официальным памятником сибирской историографии считается летопись, составленная дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым в 1636 г., – Есиповская летопись (далее *ЕЛ*). Рецепция ее текста была достаточно сильной [Журова, 2016а]. Она выразилась в появлении Титовского (рубеж XVII–XVIII вв.) и Абрамовского (середина XVII в.) видов *ЕЛ* и редакций памятника: Забелинской (конец XVII в., далее *Заб*), Лихачевской (вторая половина XVII в., далее *Лих*) и др.

Румянцевский летописец (далее *Рум*), видимо, следует считать одним из протографов *ЕЛ* [Дергачева-Скоп, 2000, с. 58]. О времени составления Погодинской летописи (далее *Пог*) существуют две версии: Е. И. Дергачева-Скоп датирует ее появление серединой XVII в. [Там же, с. 36], Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков доказывают раннее происхождение памятника [Ромодановская, 2002, с. 230–234; Шашков, 2013].

Предлагаемый в данной статье анализ сюжета о взятии города Сибирь построен на материале названных летописцев XVII в. Цель исследования – определить практику сюжетосложения в сибирской исторической прозе XVII в., в которой повествование о завоевании Сибири является метатекстом регионального летописания.

Названия сибирских летописей, которые выполняют репрезентативную функцию с позиции читателя и номинативную – с позиции писателя, содержат концепт «взятие Сибири». Так, заголовок *Рум* целиком на нем построен: «О стране Сибир-

ской и о сибирском от Ермака взятии»¹. В *ЕЛ* к этому заголовку Саввой Есиповым добавлен новый, в котором провозглашена провиденциалистская теория завоевания Сибири и воспет подвиг русского полка: «О Сибирской стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною» (с. 42). Вариативность названий в списках Основной редакции *ЕЛ* достаточно высока, что говорит о большой подвижности текста [Журова, 2016б]. Забелинская и Лихачевская редакции вовсе не содержат заголовков и начинаются с географической главы, которая, как и все статьи летописца, выделены своими названиями: «Сказание о сибирской земле, откуда широту и долготу имеет...» (с. 107), «Слово о Сибирской стране» (с. 117). Элиминирование такого концептуального элемента текста, как заголовок, отразило редуцирование самого мотива о взятии Сибири в тех редакциях, которые испытали влияние фольклорной традиции, устных источников. Это произошло в конце XVII в. Так, Забелинскую редакцию Е. К. Ромодановская определила как беллетристическую обработку Есиповской летописи [Ромодановская, 2002, с. 271–282]. В Лихачевской редакции Е. И. Дергачева-Скоп тоже выделяет влияние устной традиции, фольклорных источников (с. 18–19, предисловие).

Другое направление в истории текста *ЕЛ* видим в складывании нового этапа сибирского летописания – Сибирского летописного свода. Построенный на систематизированных сведениях об административном управлении, дипломатических миссиях, росписи воевод, дьяков, подьячих, описаниях местных событий в сибирских городах и деревнях, он в первую очередь воспринимается как сочинение деловой письменности, облеченное в летописную форму. Но Сибирский летописный свод (Головинская и Нарышкинская редакции) открывается так называемой Распространенной редакцией Есиповской летописи [Дворецкая, 1984, с. 62–73] (далее *РЕЛ*), заголовок которой стал референциальным индексом повествования, он дал читателю более полную информацию о новом тексте: «О Сибирстей стране и о начале, где царие царствоваху и князи князяху прежде прозвания Сибири; и како прозвася Сибирская вся земля, и о взятии Сибири православнороссийскими людми, и о преславной победе, Богом дарованней на безбожных агарян, и о бывших временах в Сибири по взятии, паче же в богоспасаемом начальнойшем граде Тоболске, и о поставлении того града Тоболска и протчих сибирских градов» (с. 177). В *РЕЛ* мотив «взятие Сибири» еще больше как бы углубляется, вокруг него появляются новые темы, актуальность которых обеспечена движением исторического процесса. За «взятием» следует постановка вопроса о временах после взятия («по взятии»), а именно об основании сибирских городов и в первую очередь «начальнейшего» Тобольска. Обратим внимание, что именование героев «взятия» – Ермак и его «храбрая и предобрая» дружина – замещено «православнороссийскими людми»; враги названы «безбожными агарянами» (а не «бесерменским царством»). Совершенно очевидно, что в конце XVII в. смещаются акценты сибирского исторического повествования: оно расширяется за счет сведений о событиях после Ермакова похода и темой, вышедшей на первый план, – «поставление» городов как нового этапа освоения сибирских земель, сместившей сюжет о взятии Сибири.

В истории сибирского летописания тема взятия Сибири как страны, означенная в названиях («О Сибирстей стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым...»), покрыла собой сюжет взятия столичного города, который был поставлен на Ир-

¹ Текст цитируется по изданию: [ПСРЛ, 1987, с. 32]. Далее при цитировании этого издания страницы указаны в круглых скобках, без отсылки к источнику.

тыше татарским князем Маметом и наречен Сибирь: «...постави себе град на реке Иртыше и назва его град Сибирь, сий рече начальный... оттоле же и вся страна прозвася Сибирь», – отмечает летописец (с. 47). В освоении Сибири XVII в. выделяются такие этапы, как военный поход казацкой дружины (1581 г.), пришествие воевод (1583 г.) и основание городов (Тюмень, 1586 г.; Тобольск, 1587 г.) и острогов, поставление архиепископов (1621 г.) и митрополитов (1668 г.).

Поход Ермака – доминанта исторического сюжета, он либо является смысловым ядром эпического текста в летописях, составленных в XVII в. (группа Есиповской летописи), либо выступает прологом пространных летописцев конца XVII в. («Сибирского летописного свода»).

Фабула исторического повествования о приходе дружины Ермака в город Сибирь складывается из последовательно изложенных событий: пришествие казаков с Волги в 1581 г., их продвижение по сибирским рекам (Чусовая, Тагил, Тура, Тавда, Иртыш), победные битвы («брань велия», «сеча зла») с татарскими князьями у урочища Бабасан, у Карачева улуса и под горой Чуваш, занятие без боя опустевшего города Сибирь 26 октября 1581 г., подношение даров Ермаку остяцким князем Бояром в знак признания новой власти, коварство татар, убивших казаков на рыбалке у Абалака, посольство казаков в Москву к царю Ивану IV, гибель Ермака, оставление казаками города Сибирь.

Насыщенный событийный ряд определяет специфику летописного сюжета. Историческое время представлено не только датой, но и именем государственного правителя – царя и великого князя Ивана Васильевича. Рамки хроникального повествования раздвинуты очень выразительными эпизодами.

Так, на подходах к городу Сибирь казаки взяли в плен татарина «царева двора» (дворецкого) Таузака, из которого они выпытали сведения о царе Кучуме. В *Рум* описано, как казаки продемонстрировали Таузаку силу русского оружия: «И начаша при нем стреляти изо оружия» (с. 32), затем отпустили его к татарскому царю, повелев рассказать Кучуму о своем приходе. «Той же тотарин, пришел, сказа царю русских вой пришествие и се сказа, яко, егда стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навывлет. Царь же Кучум велми печален бысть, слыша их мужество и храбрость» (с. 32). В такой редакции понятна «печаль» Кучума, напуганного силой русского оружия.

В Есиповской летописи эта история изложена очень кратко: сказано только о том, что Кучум, услышав о пришествии русских войск, их мужестве и храбрости (не указано, от кого он узнал), «оскорбися зело» (с. 52) и начал собирать свое войско.

В Лихачевской редакции *ЕЛ* сказано, что весть Кучуму о русском войске пришла от пельинского князя, который «сказоваше им, яко они храбри зело и силны люто, и мужественны; а оружие их не по нашему. Егда ж они стреляху из луков своих, тогда огонь пашет от рук их и дым велик исходит, и гром волкует, а стрел не видать, а защититися нечем не мочно. Царь же Кучюм, сие слышав, и зело опечалися о пришествии казаков» (с. 120).

Более подробно этот эпизод передан в Строгановской летописи, которую исследователи относят к уральской книжной традиции. Рассказ Таузака о русском оружии звучит так: «Такови суть силни, егда из луков своих стреляют, тогда огонь пышет и дым велик исходит, и громко блескнет, аки гром на небеси. А как стрелы из луков исходят, ино их не видать, а уязвляют и смертно побивают, а ушититися от нея никакими мерами, ни ратными збруями невозможно – куяки и бахтерцы, и пансыри, и колчюги наши наскрозь пробивают, и ничто же их не держитца» [Летописи сибирские, 1991, с. 134].

Функционирование сюжетного фрагмента о демонстрации русского оружия связано с идейным замыслом того или иного варианта летописи. Его звучание редуцировано Саввой Есиповым потому, что главная мысль повествования дьяка Тобольского архиерейского дома сводилась к провиденциалистской концепции: по Божьему Промыслу совершилось покорение Сибири, а не силой оружия. Так, в 7-й главе *ЕЛ* «О пришествии Ермакове и прочих в Сибирь» церковный книжник сформулировал главную мысль: «Посла Бог очистити место святыни и победити бусорманского царя Кучюма... Избра Бог не от славных муж, царска повеления воевод, а вооружи славою и ратоборством атамана Ермака, Тимофеева сына, и с ним 540 человек» (с. 50). Яркое впечатление Таузака о действии пищалей, несомненно, украшает историческое повествование, придает ему выразительность и художественный эффект, оно объясняет скорбь Кучюма. Но признать силу русского ружья против татарской стрелы – значит умалить подвиг казачьего войска. Замысел Саввы Есипова, освоенный сибирской летописной традицией, сводился к прославлению Ермаковой дружины.

По версии *РЕЛ* казаки, дойдя от Волги до вотчины Строгановых (описан их долгий путь), «распрошаху тутошных живущих людей, к которому царству та земля подошла» (с. 181). Это поздняя вставка в истории текста *ЕЛ*, заимствованная из Нового летописца, а эпизод с Таузаком полностью совпадает с *ЕЛ*.

Следующий колоритный эпизод сюжета о сибирском взятии – бой казаков с войском Маметкула, сына (или брата) Кучюма, собранным из местных народов, на реке (урочище) Бабасан. *Рум*: «И казаки, видевшие таковое собрание, нимало не убоюшася. И бысть брань велиа, и побиша множество поганых, а прочии на бежание устремишася» (с. 33). Этот эпизод практически без изменений передан во всех вариантах *ЕЛ*, в том числе в *РЕЛ*. Но отдельные новые элементы можно отметить в *Абрамовском виде ЕЛ*. Так, здесь наблюдаем персонификацию главного героя – вместо «казаки» читаем: «Ермак же и воинство его», «Ермак с казаками видевшие...», т. е. во второй половине XVII в. начинается выделение главного героя – Ермака, ставшего впоследствии символом покорения Сибири. Только в этом тексте читается дополнение, что татары «побегоша ко граду [Сибирь], к царю Кучюму» (с. 131), для нас оно важно как свидетельство цели военного похода Ермака.

В *Титовском виде* описание битвы с Маметкулом расширено: «Казаци же, видевшие таково собрание поганых множество, нимало того устрашились и не убоюлись сих множества, но мужески против сих ополчились. И бысть с погаными брань велиа, и побиша поганых безчисленное множество, и на бежание погании устремишася» (с. 83). В этой вариации слышны победные ноты, которые порождены памятью о давно прошедших событиях, и подчеркнутая многочисленность татарского войска восхваляет мужество казаков. Такое развитие сюжета обусловлено усиливавшимися тенденциями героизации подвига Ермаковой дружины, именно они отражают основное направление в рецепции исторического рассказа.

В *Лихачевской редакции* рассказ окрашен мотивом Божией помощи: «...И бысть на том месте брань и бой зело велик, и казакам Бог помог, многих татар побили, а достальные побегли». Здесь же появилась новая сцена, дополнившая описание боя на урочище Бабасан: «Казаци же из стругов на берег выступили и всех победили; и падоша трупия поганых множество много» (с. 121). Деталь о выходе казаков из стругов на берег по логике повествования должна предшествовать батальной сцене, видимо, она была вставлена на этапе редактирования текста. Стилистика повествования в *Лихачевской редакции* напоминает устную речь: выражение «достальные побегли» вместо книжного оборота «прочии на бежание устремишася» может характеризовать источник.

Таким образом, варианты эпизода боя с Маметкулом в сибирских летописях указывают направление в развитии эпического сюжета, когда рассказ о военном походе обрастает включениями, подчеркивающими героизм «российско-православного воинства».

Любопытен следующий эпизод – о речном пути казаков по Тоболу к Иртышу. Существует народное предание о том, как казаки обманули татар, поставив на свои струги чучела из соломы, в них и метились татары, «и тому татары дивовались, каковы русски люди крепкие, что ни едино убить не могут их: каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только казаки все невредимы стоят, и тому татары дивуются наипаче того» [Исторические песни..., 1960, с. 540]. Летописцы скрыли лукавство казаков и представили опасный маршрут как еще один пример божественной помощи. Так, в *Рум*: «Казаки же поехаша в стругах по реке Тоболу. Тотарове же начаша стреляти по ним на струги, но помощью Божию казаки то место проидоша ничим невредимы» (с. 33). В *ЕЛ* и *Пог* опущено упоминание о Божьей помощи. В *Заб* появились детали, уточняющие место обстрела: «...Подле валу татарове нача стреляти из загороды на струги их...» (с. 110). В *Лих* рассказ отличается рядом подробностей, так, тоже уточнено место: «...и как будут под горами», а главное, расписано нападение татар: «...а татаровя начаша из-за гор тмочисленно из луков стреляти на струги по казакам, и сверху стрелы на струги пускати тмочисленно, яко дождю подобно, бес перемолку» (с. 121). Уподобление полета стрел дождю – топика воинских повестей, и здесь оно придает поэтичность сцене. Оговорена мотивация татар: «дабы казаков не пустити на свою землю».

Важным этапом продвижения казаков по сибирской земле стала победа над Карачей, который был думным человеком у Кучума. Описание боя в *ЕЛ* (и во всех ее видах и редакциях) предельно кратко, что подчеркивает легкость победы: «Состави же брань с Карачею и улус его взяша, и множество богатства приобретоша и царева меду в струги своя снесоша» (с. 52). В *Рум* отмечено, что «бысть брань немала», но нет упоминания о меде.

Далее, добравшись до Иртыша, дружина Ермака встретилась с татарами, обступившими берега: «...казацы на брег въздоша и мужески на поганых наступающе. И в то время бысть смертное поражение поганым» (с. 52), – пишет Савва Есипов. В *Титовском* виде добавлено, что казаки «ратоборство и храбрость показывают» (с. 83). В *Абрамовском* уточнено, что казаки, доплыв до Иртыша, встали на Княжей речке (с. 92). В *Лихачевской* редакции подчеркнута, что «на тех боях от Ермаковых дружин ни един не убиен, малых казаков уязвиша» (с. 121). Источники этих деталей, видимо, устного происхождения. Составители новых редакций искали детали, подробности, что свидетельствует о непреходящем интересе к событиям столетней давности.

Решающим моментом в военном походе Ермака была битва под Чувашем. В *Рум* дано очень краткое описание битвы: «Приступиша к засеке, и брань бысть велия. Погании же пустиша тмочисленные стрелы. И бысть сеча зла, за руки имающеся сечахуся» (с. 33). В *ЕЛ* статья построена на основе рассказа Русского Хронографа о битве между болгарами и греками, совпадения дословные, они были отмечены Е. К. Ромодановской (выделены курсивом) [Ромодановская, 2002, с. 305–306]: «Сии же злоратные мужие убиение и дерзость свиреподоушную показоваху, и яко копейные сулица (копье, пика) имеюща во утробах, ибо вооружившиися собою крепче и вси дыхающе гневом и яростию, одеяни же железом и медьнощитницы, и копиеносцы, и железострелцы. Состави же ся брань от обою страну. Погании же пустиша тмочисленные стрелы, казацы же противу их из огнедышущих пищалей. И бысть сеча зла, за руки емлюще, сечахуся. Божию помощью помалу погании начаша оскудевати и слабети. Казацы же погнаша их

и вслед побивающе, и сваляюще, и попирающе. *Очервенишася тогда кровми поля суцая ту и постлашася трупием мертвец, и блата (болото, тина, грязь) собрашася от истекших кровей тогда, якоже древле от телес у Троиньскаго града близ Командры реки, пленующу Ахилесу.* Тако победиша окаянных бусорман, Божий бо гнев прииде на нь за безаконие их и кумиропоклоняние...» (с. 53–54). Это подробное описание битвы. В *Абрамовском* виде текст искажен, составитель не понял хронографический источник, и в его изложении получилось, что «собрашася от поганых казаки (*так!*) у Строинного града блис Комаздры реки пленующе Ахилесу» (с. 92).

В *Забелинской* редакции рассказ подвергся значительной обработке. Так, появились дополнения, уточняющие картину бегства татар: казаки не просто «вслед побивающе, и сваляюще, и попирающе», но «побивающе и с коней поганых валяху, яко снопия, и попираху их ногами своими» (с. 110). Прецедентный текст передан в иной интерпретации: «У засеки ту поле очервенишася кровию, яко рекам протещи, и трупия их толико множество побитых лежаше, яко помятая трава полская (*полевая, дикая*), а крови их удолия полская наполнишася, якоже бо древле у Троянска града... мертвых телес поле наполнившу и крови удолия наляшася» (с. 110). Редактор создает картину, правдиво передающую пейзаж поля брани: он сравнивает его не с болотом, наполненным кровью (как в хронографическом тексте), а с помятой травой на поле и долиной, залитой кровью.

В *Лихачевской* редакции эпизод о битве передан с большими изменениями. Во-первых, здесь нет описания «злоратных» татар, которые своим видом должны были наводить страх на русских воинов. Напротив, усилена военная характеристика казаков: брань была не только «зело велика», но и «зело свирепа»; казаки начали стрелять «ис турок и ис карабинов, и многих убивати», «казаки единодушно и храбро биюшася». Во-вторых, появились новые детали, например: татары «разломиша засеку сами в трех местах и изыдоша на выласку со обнаженными мечи, надеяхуся на многую силу, хотят казаков прогнати» (с. 122). В-третьих, здесь нет хронографического текста с описанием поля брани, сказано только, что «вся земля кровию обагрилась», но важно, что на поле «знамена свои поставиша казаки». Реминисценция из античного сюжета в восприятии сибирского летописца конца XVII в. оказалась лишней и чужеродной.

Текст *Пог* в этом эпизоде отличается пространством молитвенным введением и кратким изложением ратных событий, лишенным всякой поэтичности. Описание татар здесь только отдельными деталями напоминает хронографический текст: «...погание зверие поиде дерзостно, показовахуся, яко копейны сулицы во трубах (вместо «утробах»)»... Погании пустиша тмочислено стрел, а сами одеяны железом и меднощитницы»; «очервенишася поля». Связный прецедентный текст разрушен. Добавлено, что «Божиею помощью русские крепляшася», тогда как «погании помалу начаша оскудевати и слабети» (с. 131). Такое редактирование текста может свидетельствовать о его позднем происхождении.

Кульминационное событие военного похода Ермака, одержавшего победу под Чувашем, – вхождение в град Сибирь, означающие покорение татарского царства. Не было штурма, захвата, битвы за город, которые в воинских повестях, как правило, являются высшей точкой в развитии сюжета. В *Рум* содержится довольно краткое сообщение: «Наутрие же поидоша ко граду безбоязненно. И егда быша близ града, во граде же не бе никакого гласа. Казаки же мняше, яко нечто лукавуют погании и лукавства ради скрышася... поидоша во град лета 7089 октября в 26 день и, вшедше, не обретоша ни единого тотарина» (с. 33). Мотив сомнения казаков (нет ли лукавства татар, оставивших город) придает психологическую окраску историческому повествованию.

В *ЕЛ* рассказ орнаментирован церковными сентенциями: «Наутрие молитву сотвориша... и поидоша ко граду к Сибири без боязни. Но да якоже приближися близ града и не бе слышати во граде ни гласа, ни послушания, мняще же, прежде егда скрышася во граде окаяннии. Воинстии людие на Бога уповаша и поидоша во град. Приидоша во град Ермак с товарищи в лето 7089 году октября 26 день, на память святого великомученика Дмитрие Селунскаго» (с. 55–56). Бесстрашие воинских людей подкреплено верою, и не случайно отмечено, что появление казаков в городе пришлось на церковный праздник.

В *Лих* усилена уверенность казаков и подчеркнута радость по случаю победы: «поидоша во град Сибирь с радостью безо всякого опасения»; нет слов о подозрении в лукавстве татар. Новое содержание статьи состоит в упоминании об обретенных трофеях: «И радующиеся казаки радостью великою, и богатства тут зело много взяша и по себе разделиша, кождо свои паи» (с. 122). К прославлению Бога, даровавшему победу, летописец добавил мотив «Бог гордым противится», ибо победили русские гордого Кучума. Составитель *Лихачевской* редакции захват столичного города рассматривал как окончательную победу: «да скоро погании и побеждени быша вси», тогда как Савва Есипов такую точку не ставил.

В повествование о покорении Сибири входят эпизоды о пришествии к Ермаку остяков с дарами в знак признания новой власти, о трагической гибели от рук татар группы казаков во время рыбалки на Абалаке, о послании вестников с дарами в Москву с известием о победе над Кучумом, о пленении царевича Маметкула.

Мотив взятия столицы сибирского царства нашел продолжение в сообщениях о захвате других городов и селений. Примечательно, что в историческом повествовании он звучит как победный марш. Так, в 19 главу *ЕЛ* «О взятии городков и улусов» Савва Есипов включил своеобразную похвалу Ермаковой дружине: «Храбравашу Ермаку з дружиною, во всей Сибирстей земли ходиша / ликовашу стопами свободными, ни от кого устрашающиеся, страх бо Божии на всех бяше живущих тамо, яко меч обоюдоостр идый пред лицом рускаго полка, пожиная и поядая, и страша» (с. 60). Метафора «ходить стопами свободными», созданная книжником Тобольского архиерейского дома, придает поэтичность динамичному портрету атамана и его дружины и окрашивает летописное повествование гимнографическими нотами. Она восходит к ветхозаветному тексту: «Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам», – говорил Господь Иисусу Навину (Нав 1: 3); благословенные Господом наследуют землю, и «Господом утверждаются стопы такого человека, и Он благоволит к пути его» (Пс 36: 23). На устремленность пути шествия Ермаковой дружины указывает как форма оружия – меч, так и содержание библейского образа: обоюдоострый меч, меч «поядающий» – это мщение и наказание: «Да торжествуют святые во славе, да радуются на ложах своих. Да будут славословия Богу в устах их, и меч обоюдоострый в руке их для того, чтобы совершать мщение над народами, наказание над племенами» (Пс 149: 5–7). И Ермак, поступь которого прямолинейна, как меч, в трактовке сибирского летописца – «меч обоюдоострый» самой истории, орудие Бога в борьбе с неверными [Ромодановская, 2002, с. 97]. Летописец создал монументальный образ эпического героя, и Ермак – воплощение твердости, решительности, храбрости всего русского воинства.

Этой похвалы, понятно, нет в *Рум*. В *Лихачевской* редакции она звучит в несколько иной интерпретации: «Храбравашу атаману Ермаку с товарищи по всей Сибирстей земли, и обнажиша мечи свои на нечестивья, и в таковой крепости меча своего повоеваша многие городки и улусы, и ходиша стопами свободными, и ни от кого же устрашающиеся» (с. 124). Этот вариант представляет собой производный текст, возникший в результате пересказа оригинала, его автору более дорог был образ меча, нежели «стоп». В *Абр* текст сокращен и искажен, в этой ре-

дакции начальная фраза звучит так: «Ермак с войском свои храбровавше... стопами свободными» (с. 94). В *Пог* опущены ключевые слова «стопами свободными». Эти наблюдения позволяют заключить, что сибирские книжники не поняли библейский текст и реминисценцию Саввы Есипова.

Основное содержание небольшой 19-й главы *ЕЛ* построено на продолжении темы взятия городов: «Повоева же многие городки и улусы по реке Иртышу и по великой Оби... возврати же ся во град Сибирь с радостию великою и корыстию» (с. 60).

Сюжет о Ермаковом походе заканчивается гибелью атамана на реке Вагай и уходом оставшихся казаков из Сибири. Но в это же время (1583 г.) пришли в Сибирь из Москвы первые воеводы с войском, и начался новый этап освоения земель, строительство городов и острогов. Это уже другая тема.

О гибели Ермака летописцы (*Рум, ЕЛ, Пог*) сохранили единую версию: вестники от бухарцев, торговых людей, сообщили Ермаку, что Кучум не пропускает их в Сибирь. Ермак с небольшим отрядом пошел им навстречу по Иртышу. Дойдя до реки Вагай и не найдя бухарцев, казаки, утомленные долгим путем, стали на ночлег, не выставив стражи («ослабеша умы своими»). Кучум, узнав о стане Ермака, пришел со множеством татар и перебил спящих казаков, спастись удалось только одному русскому воину. Все летописцы сохранили деталь: «в ту ночь бысть дождь велий». Ермак, увидев своих казаков убитыми, побежал к своему стругу, отплывшему от берега, но не смог до него добраться, потому что был одет в железный панцирь. Не дойдя нескольких шагов до лодки, Ермак утонул.

В *ЕЛ* этот рассказ окрашен церковным мотивом: «В лето 7092-го году (1584) посланием Божиим уготовися час и прииде на воинов смерть» (с. 53), «Божиим бо судом прииде на воинов смерть» (с. 55). В *Забел* обращает на себя внимание вставка: «И уведа царь Кучум броды мелкие и перееха со множеством вои татар к казачьи станам» (с. 114). Расширенная версия сюжетного хода о поиске брода, заимствованная из «Нового летописца» (памятника 30-х гг. XVII в. московской книжной традиции), существует в *РЕЛ*. Согласно ей Кучум поручил одному татарину, бывшему «у него в смертной вине», найти брод, за что обещал ему прощение. Татарин не только нашел переправу, но и принес Кучуму доказательства: взял у спящих казаков «три пищали и три лядунки и принесе ему» (с. 185).

По версии *Лих*, бухарцы известили, что Кучум идет к городу Сибирь, и потому Ермак с небольшой дружиной пошел ему навстречу, и казаки поставили крепкую стражу на Вагае. Если в *ЕЛ* кратко сказано, что «татары нападашали на нь и побиша, токмо един казак утече», то в *Лих* расписано: «Погании же взя свои мечи острые и нападе на казаков, и поруби их всех, един казак убеже с вестью» (с. 125). Подробности *Лих* представляют собой домысливание рассказа, вызванное воображением летописца.

Казаки, оставшиеся в городе Сибирь, узнав о гибели своего атамана и дружины, «плакашеса по них. И убояшеса жити во граде... побегоша к Руси. Град же Сибирь оставиша пуст» (с. 64). Так второй раз опустел столичный город. Третий раз он был оставлен татарами, когда пришла весть о пленении Сейдяка Бекбулатовича тобольским воеводой Данилом Чулковым, устроившим занятное испытание татарским князьям: он предложил им испить вина, но татары поперхнулись, что было расценено как примета злого умысла. «Слышаще, иже во граде беша, и побегоша из града, и никто не остана во граде» (с. 67). Несколько раз царь Кучум «покушася итти на Сибирь и месть воздати» (с. 68), но русское войско не позволило ему это сделать.

«Град пуст» стал символом разорения царства Кучума, ушедшего времени, прошлой жизни. Новая история начинается со строительства городов и обживания открытых территорий, о чем говорит название «Книги записной», первоначальной

редакции Сибирского летописного свода (1687 г.): «Книга записная. Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и окольничих... и кто который город ставил, и в котором году, и от которого государя царя был» (с. 138). Образу опустевшего города противопоставлена идея основания новых городов по всей сибирской земле, реализованная в Сибирском летописном своде. В 1587 г. воеводой Данилом Чулковым был основан город Тобольск, надолго ставший административным и культурным центром Сибирской страны.

Вариации сюжета о взятии «начального» города, Сибирь, отражают особенности восприятия прошедших событий, причем чем позднее появляется летопись, тем подробнее становится исторический рассказ. Редакторами во второй половине XVII в. привлекались дополнительные источники, изустные по своей природе, но чаще всего они домысливали сюжет, финал которого был известен, насыщая его героическим пафосом. В вариациях сюжета о взятии Сибири видим тенденции к идеализации и поэтизации исторических событий столетней давности.

Список литературы

Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984.

Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000.

Журова Л. И. Об особенностях рецепции Есиповской летописи (Титовский и Абрамовский виды) // Духовная культура и общественная мысль в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2016а. С. 21–38.

Журова Л. И. Функции начала и конца повествования в сибирских летописях (группа Есиповской летописи) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016б. № 3. С. 47–52.

Исторические песни XII–XVI веков / Подгот. Б. Н. Путилова, Б. М. Добровольского. М.; Л., 1960.

Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. М., 1987.

Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002.

Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Шашков А. Т. Избр. тр. Екатеринбург, 2013. С. 545–571.

L. I. Zhurova

SB RAS History Institute, Novosibirsk

**VARIATIONS IN THE PLOT OF TAKING THE TOWN SIBIR
IN 17TH CENTURY'S CHRONICLES**

By virtue of several literature monuments of ancient and medieval ages, the topos of taking a town is of great renown. The town Sibir was the capital of Kuchum's kingdom, when russian cossaks came. This plot must be distinguished from the large chronicle of conquering the country of Sibir. In the historical literature the plot of cossaks with their chieftain Yermak conquering Siberia has engulfed the story of taking the capital town. The Cossaks march is a dominant idea of regional chronicles. It is usually either a core of meaning in the epic texts in 17th century's chronicles, or a prologue to the Siberian chronicles. Events set out in sequence form the story line of taking the town. The great amount of events defines special particularities of the plot. The eloquent episodes expand the timeframe of the plot, being separate chapters of the chronicles, i.e. the story of a Tatar Tuzak, who told Kuchum about the power of russian weapons; battle of Cossaks and Mametkul on the river Babasan; Cossaks' victory near the village Karachi; the battle beneath mount Chuvash; the russian army entering the empty town of Sibir; the death of Yermak and the Cossaks leaving the town; the town being taken by tatar princes; the Tatars fleeing the town after Danila Chulkov, the voevode from Tobolsk, captured Sejdyak Bekbulatovich. Being abandoned three times, the town of Sibir is a historical symbol of Kuchum's kingdom being ruined step by step. The empty town is opposed to the idea of founding new towns everywhere in the siberian lands by voevodes from Moscow.

The Rumyancevskij chronicle, the Esipovskaya chronicle in different kinds and editions of 17th century, the Pogodinskij chronicle tell the story with different details. The emphases are placed differently in the story about Russian weapons breathing fire that Tuzak frightened Kuchum with. Rumyancevskij chronicle presents the details of testing the weapons that the Cossaks demonstrated the captive Tatar. Savva Esipov left those details out according to his concept that the conquest of Siberia was prophesied.

Also, episodes including the battle of Yermak and tatar princes Karacha and Mametkul are different in several editions of the Esipovskaya chronicle (Zabelinskaya, Lihachyovskaya, Abramovskaya) because of small insertions, presumably oral in their origin. These insertions are considered to be due to constant interest to the events that happened a hundred years ago. The variations of the plot of taking Sibir are tend to idealize and poeticize historical characters during all 17th century.

Keywords: the town of Sibir, plot, story line, edition, taking a town, Siberian chronicles, the conquest of Yermak, tatar princes.

References

Dvoreckaja N. A. Sibirskij letopisnyj svod (vtoraja polovina XVII v.) [Siberian chronicles (The second half of 17th century)]. Novosibirsk, 1984.

Dergacheva-Skop E. I. Genealogija sibirskogo letopisanija. Konceptija. Materialy [The genealogy of siberian chronicles writing. Concept. Proceedings]. Novosibirsk, 2000.

Zhurova L. I. Ob osobennostjah recepcii Esipovskoj letopisi (Titovskij i Abramovskij vidy) [Peculiarities of perception of the Esipovskaya chronicle (Titovskij and Abramovskij kinds)]. In: Duhovnaja kul'tura i obshhestvennaja mysl' v literaturnyh i istoricheskikh pamjatnikah XVI–XXI vv. Sb. nauch.tr. [Spiritual culture and social thought in literary and historical monuments of XVI–XXI centuries: Collection of scientific papers]. Novosibirsk, 2016. Pp. 21–38.

Zhurova L. I. Funkcii nachala i konca povestvovanija v sibirskih letopisjah (gruppa Esipovskoj letopisi) [The functions of beginning and end of narration in siberian chronicles (Esipovskaya chronicle group)]. In: Gumanitarnye nauki v Sibiri [The Humanities in Siberia]. 2016. № 3. Pp. 47–52.

Памяти Елены Константиновны Ромодановской

Istoricheskie pesni XII–XVI vekov [Historical songs of 12–16th centuries]. Podg. B. N. Putilova, B. M. Dobrovol'skogo [Ed. by B. N. Putilov, B. M. Dobrovol'skij]. M., L., 1960.

Letopisi sibirskie [Chronicles of Siberia] Sost. i obshhaja redakcija E. I. Dergachevoj-Skop [Ed. by E. I. Dergacheva-Skop]. Novosibirsk, 1991.

Lihachev D. S. Pojetika drevnerusskoj literatury [The poetics of early Russian literature]. Moscow, 1979.

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 36. Sibirskie letopisi. Ch. 1. Gruppy Esipovskoj letopisi [The whole collection of the russian chronicles. V. 36. Siberian chronicles. P. 1. Esipovskaya chronicle group]. Otvet. red. akad A. P. Okladnikov i B. A. Rybakov [Ed. by A. P. Okladnikov, B. A. Rybakov]. Moscow, 1987.

Romodanovskaja E. K. Sibir' i literature. XVII vek [Siberia and literature. 17th century]. Novosibirsk, 2002.

Shashkov A. T. Pogodinskij letopisec i nachalo sibirskogo letopisanija [Pogodinskij chronicle and the beginning of siberian chronicles writing]. In: Shashkov A. T. Izbrannye Trudy [Selected works]. Ekaterinburg, 2013. P. 545–571.

Zhurova Ludmila I. – Doctor of Philology, Leading Researcher, History Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, istochnik_history@mail.ru)